

УДК 316.613.4

Д. В. Руденкин

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

D. V. Rudenkin

Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Статья посвящена описанию результатов эмпирического исследования, целью которого являлась диагностика специфических реакций российской городской молодежи на введение карантинных мер. В работе описываются основные особенности социального самочувствия, отношения к власти и протестного потенциала молодых людей, проявившиеся в непростое время пандемии.

Ключевые слова: городская молодежь, социальное самочувствие, пандемия, COVID-19

Благодарности: исследование проведено при финансовой поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества в рамках гранта МК-3018.2019.6 «Когнитивный код *soft power* как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

SOCIAL WELLBEING OF RUSSIAN URBAN YOUTH IN THE CONTEXT OF PANDEMIC OF COVID-19

The article is devoted to the description of the results of an empirical research, which was conducted for identification of specific reactions of Russian urban youth to the realization of quarantine measures. The paper describes the main features of social well-being and protest potential of young people in a difficult time of pandemic.

Keywords: urban youth, social well-being, pandemic, COVID-19

Основная цель работы — разобраться в том, как меняются настроения российской городской молодежи в условиях введения карантинных мер из-за пандемии коронавируса. Исследования предшествующих

нескольких лет показывали, что российская социально-гуманитарная наука привыкла мыслить о городской молодежи как об одном из наиболее пессимистичных и бунтарских по своему настрою сегментов общества [1, с. 45]. Более того, выраженный социальный пессимизм молодых горожан не только упоминался в литературе, но и рассматривался как один из ключевых драйверов развития протестного движения в обществе [2, с. 42]. Однако исследования, по результатам которых социологи делали соответствующие выводы о городской молодежи, проводились еще в прежней социальной реальности, существовавшей до введения карантинных мер из-за пандемии. Проявляются ли такие особенности настроений российской городской молодежи сейчас в условиях тотальных преобразований большинства привычных социальных процессов, без эмпирической диагностики сказать сложно. Эта работа посвящена описанию результатов именно такой диагностики.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что само представление о российской городской молодежи как о довольно пессимистичной и склонной протестовать социальной группе возникло в литературе по вполне закономерным причинам, но распространилось лишь относительно недавно. До 2017 г. в исследовательской литературе были распространены рассуждения о высоком социальном оптимизме [3, с. 77] и аполитичности большинства молодых россиян [4, с. 59]. Эта позиция была пересмотрена лишь после того, как в 2017–2019 гг. российская городская молодежь оказалась одним из важных сегментов социальной базы, подпитывавшей целую серию протестных акций в российских городах [5, с. 215]. Относительная неожиданность этого явления стимулировала новую волну исследований, которые и показали как наличие у ряда молодых горожан выраженного социального пессимизма [6, с. 64], так и готовность конвертировать его в реальные протестные акции [7, с. 650]. Однако резкий контраст этих результатов с данными прежних молодежных исследований заставлял исследователей сомневаться в устойчивости проявившихся настроений городской молодежи еще до того, как начались пандемия коронавируса и вызванные ей социальные трансформации [8, с. 18]. По этой причине гипотеза о том, что тотальная перезагрузка общественных процессов, вызванная пандемией, могла привести к ослаблению или даже к исчезновению подобных особенностей настроений городской молодежи, представляется вполне логичной.

Однако это, разумеется, лишь гипотеза, которая нуждается в эмпирической проверке и апробации. Для проверки этой гипотезы мы провели собственное эмпирическое исследование молодежи Екатеринбурга. Непосредственной формой исследования стал анкетный опрос, выполненный нами на базе Уральского федерального университета летом 2020 г. Поскольку в момент проведения исследования действовали жесткие карантинные ограничения, исключавшие возможность очного анкетирования, опрос проводился в дистанционном формате через платформу *Google Forms*. Тем не менее нетрадиционной оказалась именно форма сбора данных, но не общий подход к организации исследования и подбору респондентов. Анкета не размещалась в открытых источниках и не рассылалась потенциальным респондентам хаотически. При рекрутинге респондентов соблюдалась строгая выборка, на основе которой анкета адресно рассылалась конкретным молодым людям, подходящим под квотные признаки. В основе отбора лежала квотная модель выборки, опирающаяся на критерии района проживания, пола и возраста респондентов. Всего в ходе исследования были опрошены 506 представителей молодежи Екатеринбурга в возрасте 18–29 лет.

Результаты исследования позволили сделать несколько примечательных выводов об особенностях социального самочувствия молодежи города в момент действия карантинных мер.

Первый вывод — введение карантинных мер стало для многих молодых людей важной, но не первостепенной проблемой. По их ответам видно, что новая для 2020 г. проблема введения карантинных мер вызывала у многих из них дискомфорт, но не ощущалась как самая серьезная сложность в жизни. Существование этих карантинных мер как серьезную проблему восприняли 53 % опрошенных (рис. 1). Несомненно, это говорит о высокой значимости проблемы для многих из них. Однако при этом другие проблемы назывались заметно чаще: видно, что сложности с жильем, некачественное здравоохранение, коррупция, отсутствие свободы и низкий уровень жизни причислялись к острым проблемам чаще. Иными словами, стрессы от введения карантинных мер добавили новые позиции к перечню тех проблем, которые волнуют представителей молодежи, но не привели к устранению уже имеющих позиций этого перечня.

Второй вывод — в ситуации действия карантинных мер у молодежи города не проявилось обостренных протестных настроений или уста-

новок. В момент исследования протестных акций в городе ожидали лишь 28,3 % опрошенных: 20,2 % из них оценили вероятность возникновения таких акций на 4 балла из 5, еще 8,1 % — на 5 баллов. Потенциальных участников таких акций среди опрошенных тоже оказалось довольно мало, их набралось только 18,9 % в общем объеме опрошенных: 13,5 % оценили вероятность своего участия в 4 балла из 5, еще 5,4 % — в 5. Таким образом, фактически и доля тех, кто ожидает акций протеста, и доля тех, кто допускает в них свое личное участие, оказались в пределах тех общероссийских показателей, которые в тот же момент проявлялись у всего российского общества и отражались в исследованиях ВЦИОМ [9]: 25–30 % ожидающих акций протеста и 20–25 % допускающих свое личное участие в таких акциях, если они случатся. Уже сам по себе этот аналитический итог свидетельствует об умеренности протестных политических настроений опрошенных молодых людей в момент исследования: такие настроения были, но они не являлись аномально высокими.

Рис. 1. Ответы на поливариантный вопрос «Какие из этих проблем общества сейчас стоят для вас наиболее остро?» (процент от числа ответивших)

Третий вывод — введение карантинных мер не превратилось в катализатор ухудшения отношения молодежи города к исполнительной власти. Полученные ответы говорят о том, что преобладающее отношение к власти у большинства молодых людей — лояльное. В их ответах на вопросы об отношении к различным представителям действующей власти прослеживается распространенная закономерность: негатив в основном связывается с активностью местной, зачастую муниципальной власти, тогда как региональная

и федеральная власти воспринимаются позитивнее. При этом даже деятельность мэра Екатеринбурга, которая опрошенными воспринимается с ощутимо более выраженным негативом, в той или иной степени одобряют более половины опрошенных (рис. 2). Это говорит об отсутствии в среде молодежи массовых протестных установок по отношению к действующей власти: сложившийся негатив направлен в основном на местную власть, но даже она у большинства раздражения не вызывает.

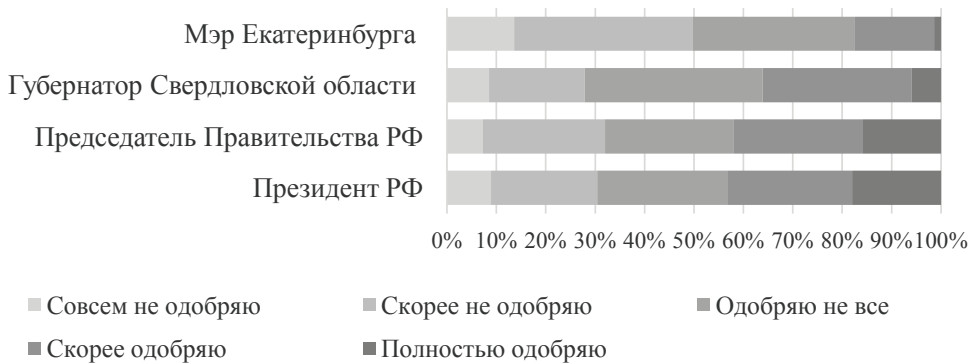

Рис. 2. Процентное соотношение ответов на вопрос «Насколько вы одобряете деятельность следующих представителей власти?»

Четвертый вывод — определенное напряжение было видно лишь в косвенных параметрах социальных настроений молодых людей, проявление которых логически сложно связать с введением карантинных мер. Во-первых, показательно, что более половины опрошенных (71 %) посчитали устройство российского общества несправедливым и причислили справедливость к одной из дефицитных для страны ценностей. Во-вторых, показательны выраженные миграционные настроения, которые обнаружились почти у половины опрошенных: 48 % из респондентов хотя бы единожды за последний год задумывались о том, чтобы навсегда уехать из страны. Эти обстоятельства говорят о том, что большинство опрошенных молодых людей не было склонно идеализировать окружающую их социальную действительность и относилось к ней критически. Однако их критичность, как видим, не конвертировалась в реальный рост протестных настроений или падение доверия к власти.

Если обобщить эти выводы, то можно отметить, что пандемия коронавируса и вызванные ей социальные трансформации, вероятнее всего, не стали сильным катализатором негативных настроений и бунтарских настроений российской городской молодежи. Скорее даже наоборот: если в других городах России проявляются такие же тенденции, как и те, что были обнаружены нами в Екатеринбурге, то можно говорить о том, что в ситуации пандемии бунтарские настроения городской молодежи стали менее выраженными, чем прежде. Данные говорят о том, что пандемия стала для многих молодых людей серьезной проблемой, но ее важность не превзошла другие, более системные и острые проблематики, которые их волнуют. Роста протестных настроений и установок молодых людей на этой почве не случилось. Иными словами, пандемия стала источником раздражения и беспокойства многих из них, но на этом ее влияние на ситуацию, похоже, ограничилось.

Литература

1. Пырма Р. В. Восстание Поколения Z: новые политические радикалы // Гум. науки. Вестн. финанс. ун-та. 2017. № 2. С. 43–50.
2. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социол. исслед. 2018. № 11. С. 40–53.
3. Чумакова Т. Н. О социальном оптимизме молодежи // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы. Шестнадцатые всероссийские научные чтения. Новочеркасск : Лик, 2015. С. 77–78.
4. Пастухова Л. С. Проблемы политического участия молодежи // Власть. 2011. № 6. С. 58–60.
5. Титов В. В., Самохвалов Н. А. К вопросу о некоторых причинах «омоложения» протестных настроений в России // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47, № 1. С. 211–217.
6. Большунова Т. В. Ценностно-мотивационный аспект участия «поколения z» в современном политическом процессе // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2018. №. 1. С. 63–67.
7. Авцинова Г. И., Бурда М. А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопр. политологии. 2019. № 4 (44). С. 649–655.
8. Горшков М. К. Российская молодежь: к истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (38), № 4. С. 16–24.
9. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 31.10.2020).